

*Величко А.М.,
доктор юридических наук*

Библейская философия права

*«Божественная теория происхождения
права способна не только соединить
Бога, Закон и Человека, но и сказать
Человеку, как ему жить, чтобы стать лучше»*

(В.И. Иванов)

Существует несколько проблемных вопросов, в отношении которых наука права (в данном случае обобщим под этим наименованием философию и теорию права) так до конца и не определилась: что такое право, в чем его отличие от закона и нравственности, источник права и т.п. Проблема усугубилась после того, как так называемая «светская» наука жестко оградила себя от религии, посчитав, что является самодостаточной и способна объяснить мир при помощи рожденных ею понятий.

Желание человека видеть окружающие явления исключительно в тех формах и представлениях, которые рождены его сознанием, вполне объяснимо, хотя и не ново. Впервые это произошло после того, как прародители поверили, будто бы, съев плод с запрещенного дерева, они станут «как боги». Иными словами, увидели мироздание *своими* глазами, и их представление, очевидно, качественно отличалось от той действительности, которая была создана Творцом. «И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание» (Быт.3:6). Как пишет святитель Филарет (Дроздов), «Ева видит в запрещенном дереве не то, что оно есть, но то, чего она желает»¹.

«Бог создал человека прямым; а они стали искать помыслы многих» (Еккл.7:30), и с тех пор он тщится заменить собой Творца, стать на Его место, освободиться от какой-бы то ни было зависимости извне. Для чего готов даже признать, что мир *случайно* рожден из хаоса небытия, а сам он (такой же продукт случайности, как и все остальные предметы) потомок обезьяны или крысы. Это - цена гордыни, которую современный человек готов с легкостью заплатить за свою «свободу».

Впрочем, оставим оценки этой мотивации, важнее другое: отринув объективный мир, каким его сотворил Господь, человек начинает жить в

¹Святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский. Толкование на Книгу Бытия. М., 2003. С.95.

иллюзорном мире собственных представлений, руководствуясь изобретенным им же правилами и ориентируясь на собственные идеалы. Но так ли уж достоверны наши представления? Ведь человеческий рассудок, которому мы так безоговорочно доверяем, по одному тонкому замечанию, представляет собой лишь «скудный свет» тех Божественных качеств, которыми изначально был наделен первый человек. И для всякого непредубежденного ученого ясно, что познать самого себя без Бога невозможно².

Оставленный один на один с собственными представлениями, человек извращает все, включая тот абсолютный идеал, который нам дан непосредственно Богом, и создавая свой, носящий исторические, преходящие черты. Конечно же, это не только безумство перед Богом, но и перед самим собой. Лучшая характеристика современного человека звучит так, как и тысячи лет назад: «Они считают жизнь нашу забавою и житие - прибыльной торговлей, ибо говорят, что должно же откуда-либо извлекать прибыль, хотя бы и из зла» (Прем.15:12). И далее: «Коротка и прискорбна наша жизнь, и нет человеку спасения от смерти; сила наша да будет законом правды» (Прем. 2: 1,11).

В оправдание того, что человек обязан искать истину в «чистом разуме», оставив в прошлом религиозные истины, приводят пример того, как закон, данный евреям Богом, является «безнравственным». Речь идет о категоричном требовании Творца *уничтожить* некоторые языческие народы, погрязшие в сатанизме. На это хочется ответить, что, как показывает история, «закон человеческий» совершенно не лишен всех тех качеств, с которыми светская наука так страстно желает бороться в законе религиозном. Цивилизация привела лишь к тому, что человеческий садизм принимает все более масштабные и утонченные черты. Клеопатра от скуки могла втыкать булавки в груди своих рабынь, но ей в голову не могла прийти идея концентрационного лагеря. Человечество умерщвляет себя по-прежнему, хотя и руководствуясь иной мотивацией. Разве эта *деталь* так важна?!

Вообще, по заслуживающему внимание замечанию протоиерея Тимофея Фетисова, высказанному некогда автору этих строк в частной беседе, в Священном Писании нет этики, все тексты его посвящены исключительно *спасению человека*. Пытаться оценивать требования Бога и Его правила, данные нам, с точки зрения этики, выглядит совершенно нелепо, как попытка определить «нравственность» физических законов бытия. Создание подняло руку на Создателя? Но *кто мы*, оценивающие Бога?! Пути Господни неисповедимы, и каждому Своему созданию он уготовал место в Царстве Небесном, если оно, конечно, пожелает. Как знать, вполне возможно, что осуждаемые нормы, носящие конкретный исторический характер и не претендующие на абсолютное значение, спасли

²Святитель Игнатий (Брянчанинов). Слово о человеке. СПб., 1995. С.60.

множество язычников-сатанистов от ада, в противном случае, без всякого сомнения, лишённые какого-либо шанса на спасение.

Словно предчувствуя будущие упреки, Священное Писание вопрошает, обращаясь к нам: «Многое можем мы сказать и, однако же, не постигнем Его, и конец слов: Он есть всё. Много сокрыто, что гораздо больше сего; ибо мы видим малую часть дел Его» (Сир.43:29-36). «Все дела Господа весьма благотворны, и всякое повеление Его в свое время исполнится; ибо нельзя сказать: "что это? для чего это?", ибо все в свое время откроется. Нельзя сказать: "что это? для чего это?, ибо все создано для своего употребления» (Сир.39:22-27).

Истина заключается в том, что без Бога нет справедливости, и отрицаемая светской наукой библейская философия права вовсе не является «научным изгоем». Более того, поражает своей внеземной глубиной и вековой мудростью, цельностью и системностью. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно изучить тексты Священного Писания, которым Бог говорит с человеком.

I. Личность и ее свобода

Обычно (и с полным основанием) изучение права начинают с познания *личности человека*. Не является исключением и Священное Писание, которое предельно конкретно раскрывает природу человека и его предназначение.

Предваряя последующее изложение, нужно сказать, что понятие «личность» носит сегодня размытый и далекий от объективности характер. Причина этого вполне понятна. «Современный гуманизм в попытке подменить христианство кругом идей, касающихся так или иначе достоинства человека, - пишет митрополит Пергамский, - надежно изолировал представление о личности от богословия, тесно связав его с идеей автономной морали или с экзистенциальной философией сугубо гуманистического толка. Поэтому, хотя личность и "личностная идентификация" сегодня широко обсуждается как высший идеал, никто, по-видимому, не хочет признать, что как исторически, так и экзистенциально понятие личности нерасторжимо связано с богословием»³.

Как следствие, очень часто в наши дни понятие личности становится синонимом *индивидуальности*, индивида, что лишено разумных оснований. Индивидуальной обычно бывает даже рукотворная вещь, представители животного мира все без исключения индивидуальны, как тварные существа, обладающие своими, неповторимыми чертами и свойствами. Но едва ли к ним применимо понятие «личность». И, конечно же, с формальной точки зрения нет никаких причин выделять человека из этой логической цепочки,

³Иоанн (Зизиулас), митрополит Пергамский. Бытие как общение. Очерки о личности и Церкви. М., 2006. С.21.

которая с железной неизбежностью низводит его на уровень говорящей вещи или чуть более разумного чем все остальные животного.

Для сравнения посмотрим, как в Священном Писании раскрывается личность человека. «Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего» (Прем.2:23), - говорит Библия. Поэтому личностность означает «участие в свете Божественного духа», по Божественному замыслу о себе человек должен возвышаться над «миром вещей». Он обязан «познать и любить своего Создателя», с Которым связано все его существование. Личностность означает также *уникальность*. Человек, как он есть, с его телом и душой, отличен от всех остальных существ, не повторяется и неповторим. «Он рождается как оригинал, - заключает один автор, и добавляет не без горькой иронии, - хотя часто кончается как копия»⁴.

Желая возвыситься, мы в действительности часто ниспровергаем человека с заоблачного пьедестала, забывая, что он является *высшим* творением Бога, стоящим наверху иерархической пирамиды сотворенных Господом существ, даже выше Ангелов. «Разве не знаете, что мы будем судить Ангелов?», - пишет апостол Павел (1 Кор.6:3), и этим многое сказано. В свое время, на заре создания Вселенной, данное обстоятельство вызвало жуткую зависть у падших духов и предопределило (в том числе) их ненависть к Адаму и его потомкам. И слова Священного Писания обращены ко всем, кого Господь сотворил, в чье тело вдохнул жизнь: «Вы - род избранный, царственное священство, народ святой» (1 Петр.2:9), «устрайте из себя дом духовный, священство святое» (1 Петр.2:5).

Человек призван быть не просто уникальной личностью, он – храм Бога (2 Кор.6:16), поскольку создан по Его образу и подобию. Подобие это невероятно близко к своему Творцу, и не случайно апостол говорит, что у человека «ум Христов» (1 Кор.2:16). Преподобный Иоанн Дамаскин риторически спрашивает: что же такое образ Божий, если не ум?!⁵ И святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет, что человек не может не быть тем, чем он создан: он не может не быть храмом Духа Святого⁶.

Подобие Богу подразумевает сходство человеческих качеств с Божественными. В первую очередь с теми, которые характеризуют его природу. И это не только свобода и способность творить. Основа Божественной Троицы – *любовь*, в которой Она пребывает. Выражение «Бог есть любовь» (1 Ин. 4:16) означает, что Бог осуществляет Себя как Троица именно в любви. Любовь – не эманация, не свойство Божественной субстанции, любовь – *образ бытия* Бога. Любовь тождественна онтологической свободе, в свою очередь, единственный способ онтологического осуществления свободы – любовь. Бог есть Троица именно потому, что Отец – это Личность, свободно взыскующая общения. «Отец из

⁴Хеффнер Йозеф, кардинал. Христианское социальное учение. М., 2004. С.23.

⁵Преподобный Иоанн Дамаскин. Точное изложение Православной веры. Книга 3, глава 18. М., 2014. С.311

⁶Святитель Игнатий (Брянчанинов). Слово о человеке. С.10.

любви, т.е. свободно, рождает Сына и изводит Святого Духа»⁷. Таким образом, любовь – это главное, что есть в человеке, она выше свободы и способности творить.

Как Божье творение, человек предназначен жить в состоянии любви и доверия - к Богу, в первую очередь, к другим людям, живым существам, свободно предаваясь той заповеди, которую ему по-матерински нежно прошептала в минуту рождения Святая Троица. Для человека любовь - это благоговейное видение божественности всего сущего, непровольный душевный порыв служения, удовлетворение потребности души по истинному бытию через служение другим. «Любовь есть счастье служения другому, осмысляющее для нас и все страдания и волнения, которые нам причиняет это служение. Любовь есть непосредственное восприятие абсолютной ценности любимого; в качестве такового она есть благоговейное отношение к нему, радостное приятие его существа, вопреки всем его недостаткам, перемещение на любимое существо центра тяжести личного бытия любящего, сознание потребности и обязанности служить любимому, чего бы нам это ни стоило самим»⁸.

Нельзя любить избирательно, *отчасти*. Апостол пишет: «Кто говорит: я люблю Бога, а брата своего ненавидит, тот лжец; ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит? И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего» (1 Ин.4: 20).

Любовь создала этот мир, ею он живет, только в любви к другому человек выходит за рамки своего эгоцентричного «я» и устремляется к Богу. Поэтому живая любовь к другому человеку является мерилем реального осуществления стремления души к Богу. «Жизнь и любовь в личности совпадают: личность не умирает только потому, что любит и любима. Вне общения в любви личность теряет свою неповторимость и становится "как все", "безликой вещью" без имени»⁹.

Любовь к Богу и ближнему и есть тот «естественный закон», который так долго искали философы. Он исходит не из конкретной, исторической природы того или иного человека, а из сущности человека, как такового, т.е. того, что во все времена и народы онтологически определяет человека как человека, к чему относится духовность и телесность, личностность и социальность, а также тварность¹⁰.

Что такое любовь во внешнем проявлении, ее всеобъемлющий характер блистательно описывает апостол Павел. «Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, не гордится, не бесчинствует, не ищет

⁷Иоанн (Зизиулас), митрополит Пергамский. Бытие как общение. Очерки о личности и Церкви. С.36, 41, 42.

⁸Франк С.Л. С нами Бог. Три размышления//Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 317, 324.

⁹Иоанн (Зизиулас), митрополит Пергамский. Бытие как общение. Очерки о личности и Церкви. С.44, 45.

¹⁰Хеффнер Йозеф, кардинал. Христианское социальное учение. С.54, 55.

своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине. Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя пророчества упразднятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1 Кор.13:4-7). Любовь - это одновременно с этим и единственный способ познать Бога, Который непостижим для нас по Своему величию¹¹.

Таким образом, подытожим, тексты Священного Писания со всей ясностью свидетельствуют о том, что в основе поведения человека лежит *абсолютный нравственный идеал любви*, впечатанным в его душе от рождения, который он волен принять или отвергнуть вследствие того, что обладает *свободой воли*¹².

Сочетание нравственного идеала и свободы носит далеко не статичный характер. Человек сам по себе не способен жить исключительно идеалом любви – он не Бог и не самодостаточен, как бы ему этого ни хотелось. На человека постоянно, говорил преподобный Серафим (Саровский), действует 3 воли: Божья, совершенная и спасительная, собственная, человеческая - не пагубная, но и не спасительная; и, наконец, бесовская, пагубная¹³.

Идеальное состояние, когда человек абсолютно и полностью солидаризируется с любовью к себе Бога, возможно лишь в том случае, если его личная воля и воля Творца станут единым целым. В этом и заключался замысел творения Бога - как известно, этого не произошло. Человек может либо выбрать добрый помысел, который ему предлагает Бог: «Не обманывайтесь, братия мои возлюбленные. Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов, у Которого нет изменения и ни тени перемены» (Иак.1:16,17), либо предаться бесовским соблазнам, которые по резкому оскудению своей природы принимает за собственные желания.

Смещение понятий, иллюзия в восприятии мироздания и своего места в нем возникли потому, что вследствие грехопадения человек «открыл» самого себя *вне* Бога, позволил восторжествовать *злу*, которое таится в самой его свободе выбора между любовью и грехом, противопоставил себя Творцу, усомнился в Его любви к себе. Конечно же, *грех* есть состояние, неестественное человеку. В состоянии грехопадения он сделался чуждым собственной природе и подчинился вольно или невольно падшим духам, которые *временно* господствуют на земле. Отступление от Бога не привело к появлению у человека высших способностей, но лишь к умалению его природы, которая стала носить ущербные черты. «Человек дал место злу в

¹¹Святой Ириней Лионский. Против ересей. Книга IV, глава XX, 1. СПб., 2008. С.374

¹²Стелецкий Николай, протоиерей. Нравственное православное богословие. В 3 т. Т.1. М., 2009. С.84.

¹³Николай Александрович Мотовилов и Дивеевская обитель. Свято-Троице-Серафимо-Дивеевский женский монастырь, 1999. С.104.

своей воле и ввел его в мир. И человек согласился на это господство над собой»¹⁴.

Красочная иллюстрация нового состояния - желание *скрыться от Бога* сразу после грехопадения (Быт.3:9). По словам святителя Филарета (Дроздова), эта сцена «представляет в прародителях поразительный пример смущенного грешника, перед которым яснейшие понятия, каково есть понятие о вседеприсутствии и всеведении Божиим, затмеваются, как бы в сновидении, и который не с только лишается, сколько сам себя лишает света»¹⁵.

Изменился не только человек, изменился и мир, созданный Творцом для своего высшего создания. В качестве свободного и разумного существа, человек изначально находился в непосредственном отношении к Богу и был естественным проводником между Ним и материальным миром природы, усвершенствуя который он становился соработником Бога. Ослушавшись Бога, человек уничтожил созданный Творцом порядок вещей, разрушил истину Божественной идеи бытия, сделав совершенно бессмысленным и свое собственное существование, и существование всей материальной природы¹⁶.

Как следствие, человек стал «пить беззаконие, как воду» (Иов.15:16). Поэтому возврат из инобытия к собственному, райскому состоянию возможен только тогда, когда он отказывается от обладания своей природой «для себя», «отдает» себя Богу и другим людям. Человеческая природа, «теряя» приобретенную через грехопадение самоцентричность, раскрывается навстречу своей истинной природы и Богу и вновь обретает себя¹⁷. Иными словами, когда он полностью, целиком отдает себя любви.

II. Право, как абсолютный нравственный идеал любви

Состояние любви является не только естественно-идеальным способом бытия человека, как предполагалось до грехопадения. Теперь это - абсолютный нравственный идеал, требование, которое постоянно звучит в его душе, подвигая к добру и спасая от зла. Идеал этот безграничен, как Вселенная, и содержательно констатируется Богом для человека в различных ситуациях и эпохах далеко не одинаково. Хотя, разумеется, при этом он всегда есть и остается неизменным по своей безграничной природе. Так и Солнце мы описываем по-разному в те или иные минуты, но оно всегда остается самим собой.

¹⁴Лосский В.Н. Очерки мистического богословия Восточной церкви//Лосский В.Н. Очерки мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие. Киев, 2004. С.440.

¹⁵Святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский. Толкование на Книгу Бытия. С.99.

¹⁶Несмелов В.И. Наука о человеке. СПб., 2000. С.252, 253.

¹⁷Мефодий (Зинковский), иеромонах. Святоотеческие категории и богословие личности. СПб., 2014. С.192.

В Раю идеал любви был ясен для Адама без слов. Но, поскольку он еще не окреп в своей доброй воле, не привык всем сердцем своим полностью и беспрекословно доверяться Богу, возникла потребность в некотором нравственном правиле. «Пребывание первых людей в Раю, - отмечал известный богослов, - было пребыванием их в непосредственном общении с Богом, которое и было первой совершеннейшей *религией* человеческого рода. Внешним выражением этой религии была *Церковь*, как собрание первых двух верующих. Но так как Церковь, как внешнее учреждение, предполагает известные установления и условия, на которых основывается собрание, то и первобытная Церковь была основана на особом завете между Богом и человеком. Завет этот состоял в том, чтобы человек любил Бога и ближних и оказывал Творцу свое совершенное послушание во всех Его повелениях, а Бог со своей стороны обещал за это человеку продолжение его блаженного состояния, безопасность от смерти, как болезненного разрушения тела, и, наконец, жизнь вечную»¹⁸.

Процесс нравственного падения человека принял драматические формы, и в заповедях, данных через Моисея людям, наряду с запрещенным перечнем постыдных деяний, которыми стала полна человеческая жизнь, приводятся и совершенно конкретные требования. Теперь нравственный идеал раскрывается через другие правила, установленные Богом: «Не будет у тебя других богов перед лицом Моим», «наблюдай день субботный, чтобы свято хранить его, как заповедал тебе Господь, Бог твой», «шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой - суббота Господу, Богу твоему», «почитай отца твоего и мать твою», «не убивай», «не прелюбодействуй», «не кради», «не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего», «не желай жены ближнего твоего», «не желай дома ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабы его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ни всего, что есть у ближнего твоего» (Втор.5:6-21).

Разница очевидна: прародителям, пребывающим некогда непосредственно с Богом, не нужно было указывать на проступки, несовместимые с принципом любви. Адаму и в голову не могло прийти, что есть еще какой-то иной «бог» кроме того, Который его создал и Которого он видит воочию. Что такое кража, убийство и прелюбодеяние он, конечно же, тоже не знал. Теперь уже все стало не так...

Завершает этот круг Нагорная проповедь, которую Спаситель произнес всему миру (Матф.5-7): «*Будьте блаженными*», «*будьте чистыми сердцем*» и т.д. Христос не только содержательно углубляет Моисеевы правила, но и настойчиво напоминает, что Бог создал человека для того, чтобы тот стал *совершенным* и желает видеть его именно в этом качестве: «Будьте совершенными, как совершен Отец наш Небесный» (Матф.5:48). Главное в земной жизни человека – уподобиться Христу, стать причастным Ему, жить в

¹⁸ Лопухин А.П. Библейская история Ветхого Завета. Монреаль, 1986. С.8.

Божьей воле свободно и счастливо. «Будьте святы во всех поступках. Ибо написано: будьте святы, потому что Я свят» (1 Петр.1:15,16).

А для этого нужно только исполнить две заповеди любви. Первая: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: эта есть первая и наибольшая заповедь» (Матф.22:37). И вторая: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Матф.22:39). Эти заповеди настолько важны для человека, что Господь повторяет их многократно: «Заповедь вам даю: да любите друг друга, как Я возлюбил вас, так и вы любите друг друга» (Ин.13:34); «постоянно любите друг друга от чистого сердца» (1 Петр.1:22) и т.д.

Было бы непростительной ошибкой полагать, будто идеал, данный Христом, качественно противоречит заповедям, установленным Богом еще в Ветхом Завете. Апостол Павел замечательно доступно и просто раскрывает кажущееся противоречие: до прихода Христа люди были еще как немощные дети, «младенцы во Христе», не способные вкушать твердую пищу, а только молоко, поскольку «еще плотские» (1 Кор.3:1-3). После Его пришествия, Крестной смерти и воскресения все стало иначе...

В том то все и дело, что заповедь любви *изначально* лежала в основе существования мира, хотя в связи с последующей нравственной деградацией человечества подернулась пеленой забвения. Христос говорит: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится вся» (Матф.5:17,18).

А высшего закона, чем *закон любви*, не существует. «Что мы любим детей Божиих, узнаем из того, когда любим Бога и соблюдаем заповеди Его. Ибо это есть любовь к Богу, чтобы мы соблюдали заповеди Его» (1 Ин.5:2:3). И апостол Иоанн Богослов так и говорит: «Пишу вам не новую заповедь, но заповедь древнюю, которую вы имели от начала. Заповедь древняя есть слово, которые вы слышали от начала» (1 Ин.2:7).

Абсолютный нравственный идеал, отнюдь, не носит избирательный характер, он *един для всех* без исключения: «Неужели Бог есть Бог иудеев только, а не и язычников? Конечно, и язычников, потому что один Бог» (Рим.3:29,30). «Нет различия между иудеем и эллином, потому что один Господь у всех» (Рим.10:12). Причем, он одинаков *для всех и каждого*, поэтому Христос и говорит в Евангелии: «Сколько раз Я хотел собрать чад, и вы не захотели!» (Матф.23:37)¹⁹.

Никакого *иного* абсолютного нравственного начала нет и быть не может: «Никому не заповедал Он поступать нечестиво и никому не дал позволения грешить» (Сир.15:20). «В повелениях Его - всё Его благоволение, и никто не может умалить спасительность их. Пред Ним дела всякой плоти, и невозможно укрыться от очей Его» (Сир.39:25).

¹⁹Святой Ириней Лионский. Против ересей. Книга IV, глава XXXVII, 1. С.437.

Нравственный идеал *имманентен* каждому человеку: «Бог сотворил человека правым» (Еккл.7:29), «среди людей утвердил Он себе вечное основание и семени их вверится» (Сир.1:15). Язычники, знающие, по словам апостола Павла, имеющие «всего лишь» нравственный закон любви и более ничего, тем не менее, также «знают праведный суд Божий» (Рим.1:22), хотя бы иные блага цивилизации были им недоступны.

Чтобы угодить Богу, человеку не нужно прилагать титанических усилий, достаточно следовать тому нравственному чувству, которое от рождения запечатлено в нем: «Во всяком деле верь душе своей; это и есть исполнение заповедей» (Сир.32:24). Это так просто... Обратим внимание на то, каким рефреном словам Спасителя «иго Мое благо и бремя Мое легко» (Матф.11:30) звучит стих из Ветхого Завета: «Для разумного знание легко» (Притч.14:6) и из Нового – «заповеди Его нетяжки» (1 Ин.5:3).

В отличие от преходящей человеческой морали, нравственный идеал имеет своим *источником Бога*: «Един Законодатель и Судия» (Иак.4:12). «Всякая премудрость - от Господа и с Ним пребывает вовек. Прежде всего произошла Премудрость, и разумение мудрости - от века. Источник премудрости - слово Бога Всевышнего, и шествие ее - вечные заповеди» (Сир.1:1-5).

Этот нравственный идеал в виде установленных Богом нравственных правил и запретов и является *правом*. Как видим, право (и в этом нет сомнения) родилось вместе с людьми, но не с государством, как зачастую утверждают, и не им обусловлено²⁰.

Сегодня право нередко отождествляют с законом, что едва ли верно, поскольку, как мы увидим из последующего изложения, Библия четко различает право и закон. Действительно, ведь «право - это способ объективации вечного нравственного идеала, данного нам в конкретных правилах и принципах Богом». А *формами права* могут быть и закон (действующее законодательство), и правовой обычай, и мораль, как правила поведения, действующие в обществе. Расходясь в способе самореализации, нередко противоречащие друг другу, эти формы дополняют друг друга и находят умиротворение в Боге и Его любви²¹.

Право по природе своей есть любовь, т.к. только «любовь покрывает грехи» (Притч. 10; 12) и приводит человека к совершенству. В свою очередь, следование заповеди любви – ярчайший пример отдачи человеком своей свободы выбора между добром и злом в руки милостивого Бога, Который безгрешен. «Не всякий, говорящий Мне: "Господи, Господи!", войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Матф.7;21). «Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем» (1 Ин.4;8,16).

²⁰Иванов В.И. Первозакон//Иванов В.И. Избранное. М., 2012. С.8.

²¹Величко А.М., Фетисов Тимофей, протоиерей. Сакральные основы права//Проблемы национальной стратегии. №5 (26). 2014. С.232.

На протяжении многих тысячелетий человечество искало разумные и справедливые основы своего бытия, и не нашло. Таков результат неизбежен, поскольку лишь любовь способна создать человеку те условия социального существования, в которых он способен существовать безвредно для себя. Напротив, отсутствие любви автоматически порождает самую страшную несправедливость в обществе: «Любите справедливость, ибо неправые умствования отдаляют от Бога» (Прем. 1:1-3).

Сегодня предложение строить человеческое общение на любви выглядит как нелепая шутка: разве можно *на чувстве* основывать право?! Но любовь - не чувство, а *мудрость мира*: «Кто приобретает разум, тот любит душу свою» (Притч.19:8). «Начало ее (премудрости. - *А.В.*) есть искреннейшее желание учения, а забота об учении - любовь, любовь же - хранение законов ее, а наблюдение законов - залог бессмертия, а бессмертие приближает к Богу» (Прем.6:17-21).

Право создано *для* человека, но оно Божественно, поскольку имеет своим творцом Бога. Это мудрость сего мира - безумие (1 Кор.1:20). А право не просто разумно, а *сверхразумно, премудро*. Оно касается не только человека и человеческого общества (ведь оно «*таинница*» ума Божьего) - «премудрость есть отблеск вечного света и чистое зеркало действия Божия и образ благодати Его, она таинница ума Божия и избирательница дел Его» (Прем.7: 26; 8: 4); *абсолютно и непреложно*. Это совершенно естественно, поскольку «Бог называется Умом, и Разумом, и Духом, и Мудростью, и Силой, и как Совершитель всего, и Всемогущий»²².

Премудрость Божия, лежащая в основе права, говорит о себе: «Я вышла из уст Всевышнего и подобно облаку покрыла землю; я поставила скинию на высоте, и престол мой - в столпе облачном. Все это - книга завета Бога Всевышнего. Первый человек не достиг полного познания ее (ясное и четкое указание на события, связанные с грехопадением. - *А.В.*); не наследует ее также и последний; ибо мысли ее полнее моря, и намерения ее глубже великой бездны. Я буду изливать учение, как пророчество, и оставляю его в роды вечные» (Мир. 24:3-31,36). Здесь едва ли требуется комментарий, настолько все ясно и понятно.

Никакой иной премудрости, кроме той, что лежит в основе нравственного идеала, нет. Он - альфа и омега человеческой жизни, основа основ *любого* межличностного существования. «Я, премудрость, обитаю вместе с разумом и ищу рассудительного знания. У меня совет и правда; я - разум, у меня сила. Мною цари царствуют и повелители узаконяют правду; мною начальствуют начальники. Я хожу по путям правды, по стезям правосудия. Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони» (Притч.8: 12-36).

Право *органично* окружающему миру, является таким же объективным законом бытия, как и все остальные законы (в том числе физические). Это

²²Преподобный Иоанн Дамаскин. Точное изложение Православной веры. Книга 3, глава 18. С.113.

совершенно понятно: для Господа весь мир – единое целое, Его творение, где все взаимосвязано и взаимозависимо. Право предопределяет не только структуру и портрет человеческой общности, но и *роль человека в мироздании*, как соратника Бога. Ведь он был создан владыкой всех тварей земных, которым же и дал имена, дабы управлять миром свято и справедливо, и в правоте души производить суд (Прем.9:3)²³.

«Сотворением человека, - писал святитель Игнатий (Брянчанинов), Творец *заключил мироздание*, т.е. сотворение миров, видимого и невидимого»²⁴. Сама первобытная природа видела вначале в человеке не эгоистичного царя-завоевателя (как это по сей день представляется и самим нам), а доброго хранителя. И природа являлась для человека «необъятным храмом его чистого служения Богу»²⁵. Это состояние касалось не только праотцев, когда они пребывали в Раю. И завет Бога с Ноем, по мнению, богословов, обращен не только к людям, но ко всем тварям, которых Господь спас во время Потопа²⁶.

Право не только должно разумно устроить жизнь каждого человека и всего человеческого общества в целом на земле – это вторично, если в данном случае вообще можно говорить о какой-то очередности. В первую очередь, оно - *путь в Царство Небесное*, поскольку «правда избавляет от смерти» (Притч.10:2), «праведность ведет к жизни» (Притч.11:19), «плод праведника - дерево жизни» (Притч.11:30), «на пути правды - жизнь, и на стезе ее нет смерти» (Притч.12:28), «путь праведных - уклонение от зла: тот бережет душу свою, кто хранит путь свой» (Притч.16:17), «знать Тебя есть полная праведность, и признавать власть Твою - корень бессмертия» (Прем.15:3).

Только следование вечному нравственному идеалу спасает человека от греха (Прем.10:1). И лишь через любовь человек способен познать и исполнить волю Создателя (Прем.9: 1-19).

Исполнение требования любви не несет за собой конкретных материальных выгод, и, конечно же, совершается не в ожидании вещественной награды. «Награда их - в Господе, и попечение о них - у Вышнего» (Прем.5:15). Хотя, разумеется, самым благоприятным образом сказывается на духовном и физическом состоянии конкретного человека и общества. «Кто вникнет в закон совершенный, закон свободы, и пребудет в нем, тот, блажен будет» (Иак.1:25).

Апостол даже называет этот закон *царским* (Иак.2:8). «Кто соблюдает закон, тот умножает приношения; кто держится заповедей, тот приносит жертву спасения» (Сир.35:1). Поскольку духовная жизнь человека напрямую связана с его земным бытием, следование закону любви приводит к

²³ Святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский. Толкование на Книгу Бытия. С.53.

²⁴ Святитель Игнатий (Брянчанинов). Слово о человеке. С.17.

²⁵ Несмелов В.И. Наука о человеке. С.219.

²⁶ Райт К. Око за око. Этика Ветхого Завета. Черкассы, С.131.

благодатной жизни: он «прибавляет дней» (Притч.10:27; 11:11). И, соответственно, наоборот: если любовь «состоит в том, чтобы мы поступали по заповедям Его» (2 Ин.1:6), то всякий, не любящий брата своего, - синоним грешника, не познавшего Бога (1 Ин.3:10).

То обстоятельство, что в данном случае абсолютный нравственный идеал назван *законом*, не должно нас смущать, поскольку в книгах Священного Писания понятие «закон» часто используется в самых различных контекстах. Это и закон в буквальном смысле слова, и Закон Моисея, и законы мироздания, и закон, как нравственный идеал. В данном стихе слово «закон» употребляется в последнем примере и лишь подчеркивает, что призыв любви носит *максимально требовательный*, императивный характер; что это повеление «люби!» исходит от Высшей Власти, не оставляя никаких лазеек для отступления или сомнений.

Альтернатива нравственному идеалу одна – ложь, зло, гордыня, основанные на ничем и никем не признающем «я». Все что вне права - грех и ад. Человек волен не исполнять нравственный завет любви, поскольку Бог не отнял у него свободы²⁷. Но это влечет за собой тяжелые последствия для отступника: «Всякая неправда есть грех» (1 Ин.5:17), «праведность бессмертна, а неправда причиняет смерть» (Прем.1:15), «праведнику воздается на земле, тем паче нечестивому и грешнику» (Притч.11:31), «кто уклоняет ухо свое от слушания закона, того и молитва – мерзость» (Притч.28:9).

Действительно, если человек не познал Бога и Его воли, то любая деятельность, даже такая интимная сторона человеческой жизни, как духовная связь с Божеством, утрачивают смысл и высоту. Этим самым подчеркивается *непреходящее значение* нравственного идеала, данного Богом, для каждого человека: «Без откровения свыше народ необуздан, а соблюдающий закон блажен» (Притч.29:18), «души коварные блуждают в грехах, а праведники сострадают и милуют» (Притч.13:9). И еще конкретнее: «Беззаконие опустошит всю землю, и злодеяние ниспровергнет престолы сильных» (Прем.5:24), «твердый в законе овладеет (мудростью. - А.В.). И она питает его хлебом разума, и водою мудрости напоит его» (Сир.15:1-6).

Право разумно, но оно настолько выше нашего понимания, что содержание нравственного идеала может быть постигнуто человеком только *верой*, которая по природе своей «есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 2:1). Потому апостол Павел и говорит: «Праведный верою жив будет» (Рим.1:17). «Мы уничтожаем закон верою? Никак; но закон утверждаем» (Рим.3:31). Лишь в вере человек остается свободным, почему Господь и говорит: «Да будет тебе по вере твоей» (Матф.9:29).

Хотя нравственное правило носит конкретный и императивный характер, оно, тем не менее, не принуждает человека к доброму поступку, а

²⁷Святой Иринеи Лионский. Против ересей. Книга IV, глава XXXVII, 4,5. С.438, 439.

«лишь» *направляет*²⁸. Здесь нет наказания в привычном смысле слова, но зато присутствует куда более действенный (для любящего сердца, по крайней мере) мотив - *страх Божий*, боязнь впасть в состояния *нелюбви*. Само собой разумеется, что страх Божий возникает из осознания того, что в нравственных законах слышен голос Бога²⁹.

Страх Божий - *единственный* первоначальный способ познать и нравственный закон, и самого себя. Как утверждают Святые Отцы, вначале в человеке рождается страх Божий, как состояние боязни оскорбить и расстроить своим поведением Бога. И лишь после того, как человек укрепится в нем, он начинает следовать Божественной заповеди по самой любви. Но это - высшее состояние «свободной несвободы», когда человек уже стяжал Духа Святого и не ждет от Бога награды, поскольку уже не в состоянии грешить, становится «несвободным», пребывает во Христе и его воля сливается с волей Творца. «Этот страх приводит тебя к благоговейному трепету, это что-то священное»³⁰.

«Как возыметь страх к Тому, Кого не видишь? - Потому необходимо прежде увидеть Бога, чтобы потом возыметь страх к Нему. А как увидеть Бога, Которого никто никогда не видал? Для этого надобно взыскать умного света Божия, чтоб ум, просветившись им, мог умно узреть Бога. И вот, когда кто таким образом узрит Бога, то может возыметь и страх Божий, может увидеть и понять самого себя, и сей привременный и суетный мир, и все дела мира сего», - говорит преподобный Симеон; и подтверждений его слов в Священном писании множество³¹.

Разумеется, эти слова имеют своим прямым источником Священное Писание: «Начало премудрости - бояться Бога, и с верными она образуется вместе во чреве» (Сир.1:15). «Начало мудрости - страх Господень» (Притч. 9:10), потому что «страх Господень - ненавидеть зло; гордость и высокомерие и злой путь и коварные уста я (премудрость Божья. - *А.В.*) я ненавижу» (Притч.8:13). Аналогичные истины содержатся также в других стихах: Притч.14:27;15:33, Сир.1: 11-15; Сир.32:18, Еккл.12:13. И, наконец, заключительным аккордом: «Страх Господень ведет к жизни, и кто имеет его, всегда будет доволен, и зло не постигнет его» (Притч.19: 23).

III. Закон и право

Закон, как форма приложения нравственного идеала к конкретным обстоятельствам места и времени также не является плодом рук человеческих; он был известен уже в Раю.

²⁸ *Стелецкий Николай, протоиерей*. Нравственное православное богословие. Т.1. С.123.

²⁹ *Святитель Василий, епископ Кинешемский*. Толкование на Евангелие от Марка. М., 2007. С.212.

³⁰ *Старец Паисий Святогорец*. Семейная жизнь//Старец Паисий Святогорец. Слова. В 6 т. Т.IV. М., 2008. С.45.

³¹ *Преподобный Симеон Новый Богослов*. Творения. Слова и гимны. В 3 книгах. Книга 1. Слово 39, 1. М., 2011. С.591, 592.

Об этом прямо говорится в Книге Бытия: создав людей, Господь тут же определил иерархию мужчины и женщины и образ их отношения друг к другу. «И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку. И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа. Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть» (Быт.2:22-24). Второй закон состоял в запрете вкушать плоды с дерева познания добра и зла (Быт.2:16,17).

Это и есть в буквальном смысле слова *первобытный закон*. В самом факте наличия закона в Раю нет ничего удивительного, поскольку праотцы не были еще совершенны в той степени, чтобы стать сотворцами Бога в полной мере. И помимо нравственного идеала любви требовался еще и закон, данный высшей Властью, устанавливающий некоторые запреты. «Человеку надлежало сначала произойти, и, произойдя - возрастая, возросши - возмужать, возмужав - размножиться, умножившись - укрепляться силами, укрепившись - прославиться, и прославившись - видеть своего Владыку. Ибо Бог имеет быть видимым, видение же Бога производит нетление, а нетление приближает к Богу»³².

В отличие от нравственных заповедей, уже первый закон характеризуется целым рядом признаков, которые обычно присутствуют и в поздних законах. В первую очередь, он имеет *не один источник*, как право, а *различные*, хотя бы все они были объединены единым понятием «*власть*». Первозакон, как и законодательство Моисея в целом, был дан людям непосредственно Богом, как Законодателем. Но множество иных законов имели своим источником уже вполне земную власть.

Второе отличие не менее очевидно. Хотя, с одной стороны, закон также обращен к свободной воле конкретного человека, но он носит *временный* характер, в отличие от нравственного идеала, который вечен³³.

Да, конечно, закон должен засвидетельствовать послушание человека, укрепить его веру в Бога. Но, вместе с тем, как конкретное правило (норма) или совокупность их (как это имело место в Законе Моисея), даже в его высшем, Богом данном творении, он содержит *угрозу наказания*, которая указывает на несовершенство (пока еще) человека (Исх.20: 5; Гал.5:1).

Таким образом, не любовь к Богу, не страх Божий, а *страх за себя* становится главным мотивом исполнения закона. И закон, конечно же, по мере нравственного падения человеческого общества начинает со временем включать в свой состав все более строгие санкции. Таковые присутствуют не только в Законе Моисея, но и в законодательстве других государств той древней эпохи это уже привычное явление. Не случайно, санкции закона резко ужесточаются, нередко предусматривая за неисполнение требований нормы смерть, порой ужасную. Тут невольно вспомнишь справедливое утверждение о том, что наказание является фактором культуры.

³²Святой Ириней Лионский. Против ересей. Книга IV, глава XXXVIII, 3. С.443.

³³Стелецкий Николай, протоиерей. Нравственное православное богословие. Т.1. С.228

Нравственный идеал любви не просто обращен ко всем без исключения людям, но и запечатан в душе каждого из нас. Напротив, закон, как это ни странно, *избирателен*: по времени, территории, кругу субъектов, к которым обращен. Есть даже личные законы, которые регулируют деятельность конкретных должностных лиц или граждан. И в данном случае не столь важно, дан он непосредственно Богом, как Закон Моисея, или правителями, которых Господь уполномочил и благословил, наделив властью.

Закон обращен к людям, которые в значительной массе своей не обладают многими добродетелями. Поэтому, закон запрещает *не все* пороки, а только наиболее тяжкие, без запрета которых человеческое общество просто не сможет существовать. Кроме того, не следует забывать, что исполнение закона не зависит от убеждений человека - угроза наказания в этом отношении уравнивает всех людей³⁴.

В отличие от абсолютного нравственного идеала, закон, как и все, имеющее на себе печать греха, как земное творение, способен, как известно, *деградировать*. Однако и в этом земном законе, полном несправедливостей и случайностей, который апостол Павел называет «законом греха и смерти», различается некий непреложный мировой порядок, в котором проявляется Божественное господство, предохраняющее мир от окончательного разрушения и распада, и ограничивающее господство властей тьмы³⁵.

Как видим, различия очевидны. Тем не менее, право и закон органично связаны между собой. «Закон свят, и заповедь свята и праведна и добра» (Рим.7:12). Сам закон, и об этом прямо говорит Христос, утверждается на заповеди любви: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф.22:37-40). И апостол повторяет: «Весь закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя» (Гал.5:14).

Во многих местах Священного Писания вообще трудно понять, идет речь о нравственном требовании или конкретном законе: «Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чем-нибудь, тот становится виновным во всем. Ибо Тот же, Кто сказал: не прелюбодействуй, сказал и: не убей; посему, если ты не прелюбодействуешь, но убьешь, то ты также преступник закона. Так говорите и так поступайте, как имеющие быть судимы по закону свободы» (Иак.2:10-12). «Мудрый муж не возненавидит закона, а притворно держащий его - как корабль в бурю. Разумный человек верит закону, и закон для него верен» (Сир.33:2).

Оба эти орудия Божественного покровительства человека охватывают всю его жизнь без исключений и проистекают из его совести, из сознания должного и потому зачастую неразличимы друг от друга ни по предмету, ни

³⁴Хеффнер Йозеф, кардинал. Христианское социальное учение. С.55, 56.

³⁵Лосский В.Н. Господство и царство//Лосский В.Н. Богословие и боговидение: сб.ст. М., 2000. С.586, 587.

по своему происхождению. С одной стороны, нравственность касается не только внутренней жизни человека и не только личных отношений между людьми, но в принципе - *всех* отношений между людьми вообще. С другой, закон в качестве «должного» начала также касается не *автоматического* внешнего поведения, а апеллирует к воле человека³⁶.

Не удивительно, что изначально слово «закон», «тора» означали не веление верховной власти в привычном для нас сегодня смысле, а «наставление», «руководство к жизни». Святость, замечает один автор, никогда не была для израильтян всего лишь обрядом или частью религии. Святость - это способ бытия, способ быть с Богом в заветных отношениях, стать подобным Ему в нравственной жизни, остаться Божьим народом среди язычников - обрядово, нравственно, социально, символически и физически. В этом и заключается главная цель законов в Книге Левит и других книгах Ветхого Завета³⁷.

Поэтому одновременно существуют и правила Завета с Богом, и законы уголовные, семейные, гражданские, и законы культовые, символические и «сострадательные». Например, устанавливающие религиозный календарь, права рабов и благочестивых инородцев, порядок поставления священников, свершение обрядов, очищения, стрижки и формы бород и т.п. Но все они являются не нравственными заповедями, а именно *законами*³⁸.

Хотя по своей природе закон и завет любви – плоды одного дерева, в дальнейшем различие между ними стало проявляться все очевиднее. Чем более человек отходил от Бога, забывая Его, тем более затемнялся в нем нравственный идеал любви. Согласие с волей Бога стало отныне проявляться в *исповедании греха*. Уже не любовь, как непосредственное состояние человека, а *закон* становится главным регулятором личной и общественной жизни.

«Для чего же закон? Он дан после по причине преступлений» (Гал.3:19), - прямо пишет апостол. Эта мысль становится предельно понятной, если мы учтем следующее обстоятельство - охраняемый Богом мир не является истинным: порядок, в котором присутствует смерть, остается порядком катастрофическим, конечным, predetermined к гибели от саморазрушения³⁹.

Да, как внешнее повеление, направленное к человеку и стремящееся оградить его волю от дурных поступков, запрещающее их и наказывающее за совершение, закон является *формой борьбы* с несовершенством мира и падшего человека. «Законом познается грех» (Рим.3:20). Но ограниченность закона заключается в том, что, выполняя его из-за угрозы наказания, человек

³⁶ Франк С.Л. Духовные основы общества. С. 82.

³⁷ Райт К. Око за око. Этика Ветхого Завета. С.295, 298, 299.

³⁸ Там же. С. 307-313.

³⁹ Лосский В.Н. Очерки мистического богословия Восточной церкви. Догматическое богословие. Киев, 2004. С.444.

сам признает себя рабом греха вместо того, чтобы через благодатную жизнь очиститься от него, вернуть себе утраченное «право первородства»⁴⁰.

В этой связи становятся понятными слова апостола Павла, что сам по себе закон не позволяет человеку стать совершенным нравственным существом. Он - следствие человеческого несовершенства; и в этом заключается его немощь. Закон лишь обличает преступника и осуждает его, но не дает силы, чтобы загладить содеянные беззакония (Рим. 8:3; 9:32).

Закон, которым руководствуется человек, со всей очевидностью свидетельствует о том, что все добрые дела, которые тот сделал, он и так *обязан был* совершить и, следовательно, никакой его личной заслуги в этом нет. Напротив, любое правонарушение с такой же железной настойчивостью показывает, что человек не имел в себе доброго намерения и, стало быть, является преступником. Беззаконие есть грех – потому, что вне Бога человек уже не в силах противостоять страстям своей телесной плоти (1 Ин.3:4).

Заключение

Было бы наивным полагать, будто основные тезисы, изложенные в данной статье, представляют собой нечто совершенно новое, ранее неведомое; конечно же, нет. То, что право имеет своим источником Бога, что закон Божественен по своей природе, знали не только христианские цивилизации Европы, но и многие языческие народы, сохранившие в своей душе *закон совести*. Не только философы-платонисты, но и средневековые правоведы не сомневались в этих истинах. Потребовалось сделать очень многое для того, чтобы простые и ясные заповеди, спасающие человека и позволяющие жить в более или менее справедливом обществе, были стерты из памяти уже наших современников.

Падший человек, сохранивший в себе черты Божественного творения, способен по своей слепой гордыни исказить все: и абсолютный нравственный идеал, который он заменяет человеческой моралью, и закон, который превращается в способ самоутверждения. В фарисейских формах внешнего благочестия, которые беспощадно изобличал Спаситель, и которые столь характерны для нашего времени, закон перестает быть оружием правды и превращается в способ освобождения виновного лица от ответственности, в *чудовище*, Левиафана.

Он искажает нравственное начало, лежащее в его основе, или вообще исторгает его из себя. Так тьма, не в силах вынести свет, либо пытается поглотить его, либо избежать. Апостол Павел говорит: «Закон пришел после, и таким образом умножилось преступление» (Рим.5:20). Почему? Да потому, что «искали не в вере, а в делах закона» (Рим.9:32).

В этой связи как никогда актуальным является вспомнить старую истину, что «оправдать свою жизнь может только сам человек, и оправдать

⁴⁰ Франк С.Л. Духовные основы общества. С.87.

ее он может не иначе, как только неуклонным выполнением религиозно-нравственного закона»⁴¹.

⁴¹*Несмелов В.И.* Наука о человеке. С.284, 286.